

Поняв, что силой Вэньжэнь Юэ не одолеть, Лэ Уя, как бы ему того ни хотелось, был вынужден сесть и чинно, спокойно обсудить дела.

— Разве не прекрасно, если каждый вернется на свое законное место? — Лэ Уя повел глазами и тут же выдал очередную нелепую затею: — Пойду приищу две веревки, да давай подвесимся вдвоем на одной балке. Стоит моему духу отлететь, ты тут же займешь освободившуюся плоть. Как тебе такой уговор?

Вэньжэнь Юэ со всей серьезностью взвесил это предложение в уме, а после спросил:

— И кто же, позвольте узнать, станет вынимать наши тела из петель?

Лэ Уя проворчал сквозь зубы:

— И то верно. Ежели нас заприметят посторонние, еще, грешным делом, подумают, будто мы с тобой вместе счета с жизнью свели от несчастной любви.

От этого бесцеремонного поминания «несчастной любви» лицо Вэньжэнь Юэ слегка подернулось густой краской смущения.

В конце концов он озвучил то, что давно созрело в его мыслях:

— Я рассудил так: и ты останешься в этом мире, и я никуда не уйду. Я полностью заберу себе долю Мин Сянчжао, а ты продолжишь жить под именем Вэньжэнь Юэ. Что скажешь на это?

Лэ Уя ни капли ему не поверил:

— Гладко стелешь. А как же твой судейский чин? Взять да и отдать мне?

Вэньжэнь Юэ ответил:

— Отдам.

— А твои ученые регалии?

— Пройду через экзамены и заслужу их заново.

Лэ Уя дважды удивленно хлопнул глазами.

Он обнаружил, что юноша держится с величайшей строгостью, а его взгляд преисполнен такой

кристальной искренности, что заподозрить его во лжи было невозможно.

Облик Мин Сянчжао и впрямь был на редкость недурственен: рослый, статный и мужественный красавец, чьи густые ресницы опускались вниз точно вороновы крылья, бросая густую тень на угольно-черные зрачки.

Кабы этот парень от природы не обладал столь невыносимым, упрямым и колючим характером, с подобными внешними данными он без труда мог бы прослыть в столице утонченным и многоопытным сердцеедом, коим всю восхищаются благородные девицы.

Вот только этот самый «сердцеед» сейчас сидел перед ним, послушно понутив голову и выказывая такое редкое простодушие, что у Лэ Уя в груди вновь проснулось неистовое желание как-нибудь поддеть и сокрушить его оборону.

Лэ Уя резко сел на постели:

— Ну хорошо. А как же быть с твоим державным отцом? Бросишь его на произвол судьбы, а старика тоже прикажешь мне забрать себе в наследство?

Сидевший напротив юноша затих.

И все же Вэньжэнь Юэ от природы был человеком на редкость упрямым и волевым.

В свое время ради спасения чести безвинного ученого Мина он без лишних колебаний и проволочек шагнул прямиком в петлю, выбрав смерть ради правды.

Ныне же, восстав из мертвых и обретя призрачный шанс на спасение, он вынужден был детально просчитывать каждый последующий шаг, но при этом умудрялся сохранять поразительное хладнокровие и твердость духа.

Он с величайшей торжественностью произнес:

— Ежели мы продолжим этот путь рука об руку, я при любых обстоятельствах сумею остаться подле его превосходительства и сберечь покой почтенного старца.

Лэ Уя сомкнул уста, не найдя слов для возражения.

— Я оказался заброшен судьбой в чужие, глухие края совершенно один, — Вэньжэнь Юэ говорил размеренно, и его мягкий голос был преисполнен поразительной, несокрушимой мощи. — И ныне, когда мне наконец посчастливилось обрести здесь единственного верного друга, я ни за что на свете не соглашусь безропотно созерцать, как ты покидаешь меня. К тому же, пройдя через весь этот ночной кошмар, я отчетливо осознал, что пока еще не заслужил

права именоваться истинным отцом-покровителем для здешних подданных. Мне позарез требуется пройти через суровое горнило практики и набраться опыта. И этот случай — идеальный шанс, дабы начать весь свой путь с самого первого иероглифа.

Из всей этой длинной и гладкой речи Лэ Уя толком не расслышал и половины.

Дабы до самых глубин потрясти его душу, хватило одной-единственной фразы.

«Я оказался заброшен судьбой в чужие края совершенно один...»

Совершенно один в чужих краях.

Заприметив, что наставник окончательно застыл в оцепенении, Вэньжэнь Юэ больше не стал докучать ему расспросами. Он лишь безмолвно замер рядом на краю ложа, терпеливо дожидаясь от него хотя бы короткого знака согласия.

Впрочем, сколько бы Лэ Уя ни взвешивал все «за» и «против», возвращаться в мир живых у него по-прежнему не было ни малейшего желания.

— Исключено. Ну и за какими такими благами мне оставаться на этом свете? — Лэ Уя сокрушенно повалился спиной на кровать, перевернулся со скалы на бок и мертвой хваткой натянул подушку себе на лицо. — Скука смертная.

— Твой слуга готов приискать для Гу-гэ немало достойных устремлений, — Вэньжэнь Юэ, в конце концов, тоже был молодым человеком. Узрев, как наставник вовсю ударился в откровенное ребячество, он не удержался, точно так же стремительно перевернулся на матрасе и пристроился на животе прямо рядышком с ним. Слегка потянув Лэ Уя за край широкого рукава, он вкрадчиво добавил: — ...Изволь стать моим учителем и наставить меня на верный путь, а?

— Стать твоим учителем?

— Я занял телесную оболочку Мин Сянчжао и всем нутром ощущаю величайший стыд перед его памятью, — Вэньжэнь Юэ устремил на него чистый взгляд. — Смогу ли я... исполнить его заветную волю и до конца пройти через все государственные экзамены Поднебесной?

Лэ Уя аккуратно приподнял край подушки, выставив наружу один прищуренный глаз:

— Ты, как ни крути, на этот час являешься полновластным уездным чиновником седьмого ранга. Пускай твоя семья и не заколачивает колоссальные богатства, однако на безбедную жизнь вам средств всегда хватало с лихвой. Стоит нам обменяться телами обратно, ты вполне волен подать в отставку, уйти на покой в глушь и со всем почтением до конца дней именоваться зажиточным помещиком. С какой стати тебе добровольно вздумалось лезть в

шкуру нищего и оборванного ученого, дабы с самого первого шага пробивать себе дорогу через судейские заслоны?

Вэньжэнь Юэ логично и выверенно парировал:

— Ученый Мин был прекрасным, полным надежд юношей, и его жизнь вовсе не должна была столь трагически и нелепо оборваться в этих застенках. У меня тоже имеются свои великие амбиции на поприще служения государству. Раз уж небеса сподобились даровать мне шанс прожить эту жизнь во второй раз, я не имею права зарыть свои таланты в землю.

Лэ Уя застыл, пристально всматриваясь в его лицо.

Этот хлипкий провинциальный чинуша лишь с первого взгляда казался мягким, бесхитростным и робким малым. На самом же деле под этой благообразной маской скрывался человек поразительного упрямства и редкой, нестигаемой воли.

Будь то его давешняя готовность пожертвовать собственной жизнью ради того, чтобы донести правду до ушей самого Сына Неба, или же это нынешнее решительное отречение от имени и статуса Вэньжэнь Юэ — все это наглядно доказывало, что юноша обладал поразительным, редким мужеством.

— Ежели ты отдашь свое тело мне, неужто не страшишься, что я вконец растопчу и очерню твою честную репутацию?

— С какой стати? — Вэньжэнь Юэ ненадолго задумался, после чего мягко добавил: — Даже если очернишь, это ведь будет уже твоя репутация.

Услышав этот ответ, Лэ Уя на мгновение погрузился в свои мысли и едва слышно повторил:

— ...Моя репутация?

Лэ Уя слишком привык к тому, что при жизни его доброе имя было растоптано и смешано с грязью, и теперь, когда Вэньжэнь Юэ проявил такое редкое великодушие, позволив ему всецело распоряжаться своей судьбой, он на какой-то миг даже растерялся, не зная, как себя вести.

И что же ему теперь делать со всем этим благом?

Спустя долгую паузу Лэ Уя сокрушенно и протяжно вздохнул:

— Наговорил тут целую гору сладких речей. Неужто тебе неведомо, что дружба благородных мужей должна быть чиста и пресна, точно вода? — шутливо запричитал он. — Ну вот,

докатались. Какая уж тут чистая вода, наши узы теперь, почитай, сотканы из крови, что делить на двоих придется.

Заприметив, что наставник наконец сменил суровый тон на привычные веселые подначки, Вэньжэнь Юэ заметно расслабился в душе:

— Я стану опорой для тебя, а ты станешь заступником для меня. Так ни один из нас больше вовек не останется в одиночестве.

Лэ Уя заговорщически придвинулся к нему поближе:

— Стало быть, когда в твоём доме в следующий раз соберутся за праздничным столом в канун Нового года, мне тоже найдется местечко, а?

Вэньжэнь Юэ едва заметно кивнул головой:

— Непременно, Гу-гэ.

Лэ Уя поудобнее устроился на постели, скрестив ноги по-турецки, но стоило этому уважительному «Гу-гэ» вновь сорваться с чужих губ, как слова застряли у него в горле.

В его памяти совершенно некстати всплыли те самые фразы, что он накануне высокомерно бросил в лицо заместителю Сунь Жу:

«В этом подлунном мире всякая вещь, какая только существует под небом, неизменно имеет свои истоки и свое начало».

«Лэ Уя, каково же твое собственное начало?»

«Кто ты таков на самом деле?»

Те многочисленные воспоминания, которые он все эти дни умышленно гнал прочь и старался не замечать, теперь лавиной прорвали внутренние заслоны. Не разбирая, где добрые веи, а где черные шрамы, они диким табуном ворвались в его растревоженный разум.

Из этого бурного круговорота мыслей его вырвал тихий, наполненный редкой нежностью возглас:

— Гу-гэ.

Вырвавшись из плена бушующих призраков прошлого, Лэ Уя растерян и заворуженно

установился в эти кристально чистые, безмятежные очи юноши:

— Я...

«Я вовсе не Гу Цичжэнь».

«Я... на самом деле я должен быть...»

Он мучительно размышлял в течение нескольких секунд, но так и не сумел нащупать ответ, кем же ему надлежит быть в этом мире живых.

В своей прошлой жизни он раздумывал над этой загадкой слишком много и долго, но так и не сумел постичь подлинную суть вещей.

По крайней мере, прямо в эту ночную секунду ему достаточно было просто оставаться Вэньжэнь Юэ, и этого было вполне достаточно.

Так все становилось во сто крат проще.

Однако следующий вопрос Вэньжэнь Юэ застал его врасплох, обрушившись как гром среди ясного неба:

— ...Гу-гэ, ведь ты вовсе не Гу Цичжэнь, я прав?

Лэ Уя промолчал, лишь медленно отвел взор в сторону и украдкой провел глазами по его лицу.

— Я прекрасно ведаю, что обделен великими талантами к управлению, а потому круглыми годами держу у себя на столе Свод законов Великой Ю и при всяком удобном случае дотошно перелистываю страницы, — тихим голосом пояснил юноша. — Все свитки прошлых лет с исправлениями и дополнениями бережно собраны в моей личной коллекции, я частенько люблю сличать их между собой.

— Едва взойдя на престол, нынешний державный Монарх повелел внести ряд важных правок в главу «Уголовное судопроизводство» Свода законов. Статья «Одно и то же дело не подлежит повторному разбирательству» в эпоху правления покойного императора значилась под номером двадцать три, а вовсе не двадцать пять.

— Я рассудил так: ты всего за один световой день умудрился провернуть столько колоссальных дел, что у тебя физически не могло найтись и свободной минутки, дабы засесть за книги и вызубрить весь Свод законов империи с самого первого иероглифа.

— И когда ты там, на судебном помосте, столь уверенно озвучил эту статью перед залом, я, грешным делом, подумал, что вы сейчас допустишь роковую промашку.

Подлинный Гу Цичжэнь в свое время заслужил высокое звание третьего лауреата-танхуа на столичных экзаменах в эпоху прежнего правителя.

И те статьи Свода законов Поднебесной, которые его цепкая память почитала за единственно «верные», к нынешнему дню успели изрядно устареть и разительно отличались от действующих указов.

Лэ Уя вымолвил короткое «ах», после чего залился тихим, непринужденным смехом:

— Так вот оно что... Выходит, Ваш судья высказался верно, но одновременно с этим допустил грандиозную ошибку.

Раз уж его маскировка была столь изящно сорвана, Лэ Уя мгновенно сбросил с себя остатки напряжения, вернув себе былую легкость и раскованность:

— Неужто тебе до сих пор безумно хочется разузнать, кто я таков на самом деле, а? Коли это желание столь велико, обожди немного, я прямо сейчас состряпаю для тебя очередную сочную сказку.

Вэньжэнь Юэ не удержался от мягкой улыбки, и уголки его губ едва заметно изогнулись вверх:

— Гу-гэ, прошу, я внимаю твоим речам.

Лэ Уя ненадолго задумался, после чего рывком приподнялся на ложе и со всей невозмутимостью махнул рукой:

— Ладно, пускай будет так. Имя Гу Цичжэня звучит на редкость благородно, да и скрытый в нем смысл сулит сплошную благодать, так что изволь принять этот удел и не портить мне игру.

Вэньжэнь Юэ замер, не отрывая пристального взора от человека, который с легкостью величал себя его «Гу-гэ». Юноша прижал ладонь к груди, искренне недоумевая, отчего его собственное сердце вдруг принялось биться со столь бешеной, стремительной частотой.

Спустя совсем немного времени он вдруг уставился в упор на лицо Лэ Уя и издал едва заметный, удивленный возглас:

— ...Хм?

— Что такое? — строго спросил Лэ Уя.

Вэньжэнь Юэ принялся дотошно разглядывать кончики его волос.

...В его собственной памяти пряди его шевелюры никогда не имели столь приметных, изящно выющихся кверху завитков на самых кончиках.

— Тебе ведь еще ни разу не доводилось вот так близко созерцать собственный лик со стороны, верно?

— А эта телесная оболочка весьма недурна собой, — Лэ Уя, не понимая, куда именно устремлен чужой взор, весело пошутил: — Что, забрать ее себе обратно удумал? Поздно, парень, теперь не отдам.

Вэньжэнь Юэ мягко улыбнулся:

— Раз уж она отныне принадлежит тебе, значит, она твоя и есть.

Лэ Уя вознамерился было еще немного подразнить этого простодушного малого, как вдруг в его мыслях вспыхнула одна крайне важная вежа. Лицо его вмиг переменялось, и он стремительным рывком вскочил с постели:

— Беда, беда! Шевелись скорее!

Вэньжэнь Юэ совершенно растерялся: ?

— Эта парочка завтра поутру вновь явится к моим воротам! — запричитал Лэ Уя. — Они совершенно точно примутся дотошно экзаменовать Вашего судью на предмет хозяйственных успехов, расспрашивать о нравах, обычаях Наньтина и прочих государственных делах! А ты мне до сих пор ни единого иероглифа об уезде не поведал! И какими такими речами, скажи на милость, я должен буду держать пред ними ответ, а?

Вэньжэнь Юэ окончательно запутался: ?

«Что еще за парочка?..» — недоумевал он.

Впрочем, пускай в его голове и царил полнейший сумрак, он без лишних пререканий позволил Лэ Уя мертвой хваткой усадить себя за письменный стол. Под градом дотошных расспросов наставника, разыгравших схему «вопрос — ответ», юноша без утайки выложил абсолютно всю подноготную Наньтина, до последнего чи расписав численность подданных, площади пахотных земель, объемы податей и прочие тонкости уездного хозяйства.

Лишь убедившись, что из Вэньжэнь Юэ больше не вытрясти ни единой полезной цифры, Лэ Уя наконец успокоился. Он поднялся со стула, накинул на плечи верхнее платье и вознамерился незамедлительно покинуть покои.

Заприметив, что наставник куда-то отчаянно спешит, Вэньжэнь Юэ поспешил следом за ним:

— Ежели у Гу-гэ имеется какое-то срочное дело, твой слуга готов саморучно отправиться в путь и все исполнить.

Лэ Уя лишь молча указал длинным пальцем в сторону оконной рамы.

Лишь в этот миг Вэньжэнь Юэ обратил внимание, что ночная темень за стенами управы уже рассеялась, восток окрасился первыми лучами зари, а значит, наступил час, когда стража окончательно открывает городские ворота.

Лэ Уя споро затянул тесьму на своей судейской шапке:

— У Вашего судьи в животе от голода урчит. В этот час у торговцев как раз поспевают горячие сладкие пирожки, пойду перекушу немного.

Вэньжэнь Юэ изумился:

— Неужто ты не желаешь приклонить голову к подушке хотя бы на короткий час?

— К чему эти нелепые сны, коли солнце уже взошло? — фыркнул Лэ Уя. — Впереди нас ждет целая лавина важных дел! Ты ведь еще столь молод, как у тебя вообще поворачивается язык предлагать мне спать в такое время?

Вэньжэнь Юэ отрезал:

— Исключено.

Лэ Уя возмутился:

— ...Ты что же, вздумал помыкать мной?

Юноша ненадолго задумался, после чего с величайшей твердостью в голосе произнес:

— Эта телесная оболочка принадлежит мне.

— Теперь она моя, — парировал Лэ Уя.

Вэньжэнь Юэ мертвой хваткой перехватил его за запястье:

— Не пущу.

Узрев, что этот рослый детина обладает недюжинной физической мощью и силой взять верх не удастся, Лэ Уя мгновенно сменил тактику, сооротив на лице самую жалостливую миму:

— Да ведь твой Гу-гэ от дикого голода уже едва на ногах держится, неужто в твоём сердце нет ни капли жалости к своему спасителю?

Вэньжэнь Юэ: ?

В силу своей юности и неопытности он никак не ожидал от грозного наставника подобного лукавого маневра, а потому его сердце мгновенно затопила глубокая тревога и сострадание:

— Раз так... позволь мне самому сбегать к лавке и принести еду, а ты изволь присесть да хорошенько побережь свои силы.

За этот день и две бурные ночи Лэ Уя действительно не имел ни единой секунды покоя ради передышки.

Человеческая плоть соткана вовсе не из чистой стали, и выдержать столь жестокие, изнурительные истязания без вреда для здоровья не способен никто в поднебесной.

Заприметив, что пальцы Вэньжэнь Юэ на его запястье слегка разжались, Лэ Уя улучил идеальное мгновение и с веселым припрыгом сорвался с места, бросившись к выходу:

— Пирожки хороши исключительно с пылу с жару, когда их сам из печи берешь!

Вэньжэнь Юэ лишь сокрушенно выдохнул и поспешил двинуться следом за ним.

В этот ранний час улочки уезда были безлюдны. Торговец сладкой выпечкой только-только успел развернуть свой передвижной прилавок, и первая партия румяных пирожков-тангао как раз покинула чан с кипящим маслом, выстроившись на лотке ровным, красивым рядом.

Лоточник мгновенно опознал в подошедшем путнике уездного начальника, пускай тот и был облачен в простое повседневное платье. Старик торопливо завернул пирожок в чистую промасленную бумагу и со всем почтением преподнес судье, наотрез отказываясь принимать звонкую монету.

Лэ Уя спорить с бедняком не стал. Он небрежно извлек из кармана один медный чэнь и со звоном швырнул его прямо в жестяную банку для сбора податей. И пока старик в сильном замешательстве опускал голову, силясь отыскать сдачу, Лэ Уя приподнял полы халата и во весь дух бросился наутек.

На самом деле Лэ Уя от природы никогда не числился любителем сладких яств. Просто еще вчера в полдень, когда он покупал у соседнего лоточника сочные баоцзы, его острый взор заметил, что здешние пирожки выглядят на редкость хрустящими, золотистыми и пышными, отчего эта деталь и запала ему в память, исключительно ради того, чтобы при случае отведать диковинку.

Однако, едва заветное лакомство оказалось у него в руках, Лэ Уя вовсе не поспешил жадно набивать рот. Он лишь лениво, раз за разом откусывал хрустящую корочку по самым краям, упрямо избегая приторно-сладкой сахарной начинки внутри.

Шествовавший подле него Вэньжэнь Юэ, досконально изучив этот маневр, при котором пирожок в руках наставника после укусов по кругу принял изящную форму распустившегося цветка, невольно высказал глубокое неодобрение:

— Тратить монеты на еду и после выбрасывать ее — поступок, в высшей степени недостойный и расточительный.

Лэ Уя и не подумал внимать речам этого праведного чинуши:

— До чего же ты, господин судья, любишь читать нотации, воистину, у меня уже в ушах звенит от твоего занудства.

Повинуясь старой привычке, он небрежным жестом протянул надкусанный пирожок спутнику:

— Раз уж твое сердце так сильно обливается кровью из-за расточительства, изволь сам доесть за мной, угощаю.

Кто же мог помыслить, что не успел он договорить эту фразу, как прямо из-за его спины с яростным свистом плеснул резкий порыв холодного ветра.

Лэ Уя резко обернулся на шум, но в ту же долю секунды стремительный темный силуэт, подобно свирепому урагану, с размаху обрушился на него, начисто сбив уездного начальника с ног и повалив прямо в глубокий снег.

Вэньжэнь Юэ от такого зрелища едва не лишился чувств от дикого испуга.

Вэньжэнь Юэ родился и вырос в благодатных землях Цзяннани, а потому от природы смутно побаивался собак. Однако, узрев, что Гу-гэ угодил в беду, он напрочь позабыл о собственной

безопасности: юноша коршуном бросился вперед и принялся изо всех сил оттаскивать зверя, сумев-таки мощным рывком оторвать его от Лэ Уя.

Напавшим оказался поджарый, статный и невероятно крупный пес породы гончая. Шерсть его лоснилась сплошным угольно-черным глянцем, и лишь на самой груди красовалась приметная белая отметина, точь-в-точь похожая на вспышку молнии. На шее животного красовался добротный ошейник: верный знак того, что у пса имелся законный хозяин.

Несмотря на кажущуюся поджарость, собака обладала колоссальной физической мощностью, да к тому же была явно обучена какому-то особому мастерству: ловким, выверенным маневром она мгновенно вырвалась из рук Вэньжэнь Юэ и, яростно виляя хвостом, вновь с размаху накинулась на Лэ Уя.

Пока вокруг кружился этот безумный вихрь из рук, лап и лая, Вэньжэнь Юэ краем разума сообразил, что огромный пес вовсе не планирует растерзать Лэ Уя. В его повадках угадывалось куда больше бурной, неистовой преданности и ласки.

Однако юноша не смел рисковать и гадать, не вздумает ли собака в порыве дикого восторга ненароком сомкнуть клыки на горле наставника, а потому упрямо продолжал вкладывать все силы, дабы мертвой хваткой удержать зверя за ошейник и утащить назад.

Два человека и одна гончая на несколько секунд застыли в нелепом, выматывающем противоборстве.

В этот самый миг по пустынной утренней улице со стороны городских ворот разнесся чистый, звонкий перестук кованых копыт, к ним стремительно приближался конный патруль.

Несколько боевых скакунов на полной скорости вылетели из-за угла, и шествовавший во главе отряда всадник, не дожидаясь, пока конь полностью затормозит, размашистым движением спрыгнул с седла прямо на ходу.

Лэ Уя, отчаянно барахтаясь в сугробе, украдкой скользнул взглядом в его сторону.

Прямо перед его носом застыли высокие сапоги из плотной черной воловьей кожи, на каблуках которых тускло поблескивали начищенные кавалерийские шпоры.

Уездный начальник приподнял веки: над обувью высились точеные, безупречно прямые ноги воина, облаченные в ладные угольно-черные чешуйчатые латы.

Облик этого человека был преисполнен такой леденящей, обособленной поступи, что он казался обнаженным клинком, выкованным в самом яростном пламени горнила. Из его уст вырвался громоподобный, свирепый указ:

— Эръя, а ну пошла вон отсюда! На место!

Получив этот грозный окрик, огромная гончая вмиг присмирела. С самым унылым и виноватым видом она нехотя разомкнула челюсти и покорно отступила назад.

Следом со всех ног подбежал рядовой боец, судорожно сжимая в кулаке обрывок поводка, который собака умудрилась перегрызть. Парень с ходу рухнул перед командиром на колени, не смея проронить ни единого слова в свое оправдание.

Пэй Минци леденящим тоном обронил:

— Вернешься в лагерь, получишь десять ударов армейскими батогами.

Рядовой даже не заикнулся о том, что зверь вырвался сам по себе. Он прижал кулак к груди и зычно отчеканил:

— Слушаюсь!

Пэй Минци сделал широкий шаг вперед, мертвой хваткой перехватил поводок гончей и лишь на секунду перевел взгляд на копошащегося в снегу человека:

— Прошу простить, вы не ране...

Лэ Уя к этому моменту успел подняться на ноги. Коротко отряхнув полы халата от налипшего снега, он развернулся на каблуках и молча зашагал прочь, не удостоив офицера даже беглым взглядом.

Пэй Минци опустил глаза и заметил валявшуюся в сугробе надкусанную половинку пирожка-тангао, края которой были аккуратно обкусаны по кругу ровными следами зубов.

В его груди помимо воли сокрушительным ударом вспыхнула дикая, необъяснимая паника:

— Стой!

Лэ Уя и не подумал замедлить шаг.

Узрев, что прохожий упрямо игнорирует его слова, Пэй Минци швырнул поводок гончей подчиненному, в два прыжка настиг беглеца и занес ладонь, намереваясь силой схватить его за руку:

— Кому сказано, остановись!

Однако в следующую долю секунды чья-то ладонь стремительно вынырнула сбоку и мертвой хваткой сжала запястье боевого офицера.

Вэньжэнь Юэ со всей благопристойностью произнес:

— Почтение генералу. Сделайте милость, не прикасайтесь к нему.

<http://bllate.org/book/18193/2086364>